

*I Международная конференция
по клинической психологии
памяти Б.В.Зейгарник*

БЛЮМА ВУЛЬФОВНА ЗЕЙГАРНИК
(ПОПЫТКА ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ)*

А.ЗЕЙГАРНИК**

Проходит время, и все труднее становится воссоздать события давно минувших дней. Факты обрастают толкованиями и легендами, становятся трудно различимыми, а то и вовсе исчезают. Эта краткая биографическая статья опоздала, по меньшей мере, на 10-15 лет, но тому были свои причины, которые, как мы надеемся, станут окончательно ясны после ее прочтения.

27 октября 1901 года (по новому стилю – 9 ноября) в маленьком литовском городке Пренай родилась девочка, которую назвали Женя-Блюма. Она была поздним и единственным ребенком в семье. Ее отец Вульф Герштейн держал магазин в этом городе, а мать Роня Герштейн помогала ему, – семья добропорядочных евреев, чьи предки бежали из Европы от преследований. Они были умны и образованны, и пользовались большим уважением, хотя и не были верующими. В семье говорили по-русски и на идише. После 1863 и до 1905 года русский был единственным официально разрешенным государственным языком, и образование можно было получить только на русском. Идиш использовался в семье, чтобы обсуждать "взрослые проблемы". "Наивные! – вспоминала Блюма Вульфовна, – они полагали, что я их не понимаю".

В 1916 году она поступила сразу в пятый класс Алексеевской женской гимназии Е.Д.Рейман-Далматовой в г. Минске, где тоже все предметы преподавались на русском языке (разумеется, кроме французского, немецкого и латыни). В женских гимназиях тогда учились семь лет, из которых четыре ей пришлось пропустить. В эти годы она заболела вирусным ме-

* Сообщение на I Международной конференции по клинической психологии...

** Зейгарник А.В. – канд. хим. наук, Институт органической химии РАН.

нингитом. Грозная не только по тем временам болезнь грозила покалечить ее или вовсе унести в могилу. Но она выжила и сумела подготовиться к поступлению в гимназию. По-видимому, родители наняли тогда педагогов, чтобы помочь ей в подготовке. В гимназии она провела три года и в 1918 году окончила седьмой класс с золотой медалью. Интересно, каким предметам обучали тогда в гимназиях: закон Божий, русский язык и словесность, математика, география всеобщая и русская, естествознание, история всеобщая и русская, физика вместе с математической и физической географией, рукоделие. Дополнительными предметами были языки и педагогика.

Блюма Герштейн была нацелена на высшее образование, но в те годы трудно было найти университет, который не предъявлял бы к абитуриентам требований, соответствовавших стандартам мужской гимназии. Образование мальчиков включало больше предметов и в целом строилось на базе более интенсивной программы. В том же 1918 году она сдает экзамены по курсу мужской гимназии. Часть предметов надлежало пересдать, к ним добавился предмет "логика и психология". Блюма начинает готовиться в университет, проводит много времени в библиотеке, где и знакомится со своим будущим мужем Альбертом Янкелевичем Зейгарником. В 1919 году она выходит за него замуж. Ей только 18, и родители не были в восторге от этого брака – молодой муж недостаточно состоятелен и к тому же – не ровня. Но со временем они смягчаются и решают послать молодую чету учиться в Европу, помогают даже брату мужа, который получает возможность учиться в Бельгии. В 1922 году Блюма поступает на философский факультет Берлинского Университета, а Альберт – в Политехнический институт там же в Берлине.

Блюма Вульфовна вспоминала, что интерес к психологии пришел к ней через литературу. Огромное влияние оказала на нее учительница словесности в гимназии, которая, по ее словам, "вскрывала психологические аспекты в литературе". В университете лекции по лингвистике не вызвали у Блюмы Зейгарник большого интереса, зато она была поглощена курсами, которые читали известные гештальт-психологи: Вольфганг Кёлер, Макс Вертгеймер и Курт Левин. Лекции по педагогике читал Франц Эрнст Шпрангер. Так она приходит к психологии – предмету своей будущей профессиональной деятельности.

Особенно ее увлекают лекции Курта Левина. В те годы это молодой приват-доцент, получивший прекрасное образование во Фрайбурге, Мюнхене и Берлине и уже прошедший четыре года на фронтах Первой Мировой. Он был всего на десять лет старше своих студентов и в то же время – значительно опережал своих современников, главным образом, в методологическом плане. Изучая его работы по методологии науки и анализируя сегодня содержание дипломных работ, сделанных под его руководством

студентами в 20-х годах, кажется, что он уже наперед знал все дискуссии вокруг логического позитивизма, время для которых придет значительно позднее. Он любил спорить и возбуждать споры среди своих учеников, объяснял роль теории в науке и необходимость экспериментальной проверки научных гипотез. Сегодня мы сказали бы про такого ученого: "У этого парня в голове полный порядок". В 20-х годах прошлого века такое понимание вещей было доступно, возможно, лишь необыкновенно одаренному человеку.

Курт Левин руководил рядом экспериментальных работ, нацеленных, в конечном итоге, на подтверждение его теории действий и аффектов. Одну из них проводила Б.В.Зейгарник. Написанная по ее результатам и опубликованная в 1927 году статья и сделала ее известной на Западе. Название – "Запоминание законченных и незаконченных действий". Только в 2001 году, через три четверти века после опубликования в *Psychologische Forschung*, появилась возможность прочитать эту работу на русском языке в официальном издании (она была опубликована в издательстве "Смысл" как глава в книге: *К. Левин. Динамическая психология. Избранные труды*). В этой работе было впервые показано, что прерванные задачи запоминаются взрослыми примерно на 90% лучше, чем законченные, а дети вообще помнят исключительно прерванные задачи. Этот результат вошел в историю науки как *Зейгарник-эффект*.

В 1925 году Блюма Вульфовна оканчивает университет и продолжает работать в нем, а в 1927 после публикации работы о прерванных действиях ей была присвоена степень доктора. До 1931 года она работает в Берлинском университете как внештатный сотрудник, а ее муж в это время – сотрудник советского торгпредства в Германии.

По-видимому, решение поехать в Советскую Россию появилось под воздействием мужа Блюмы Вульфовны и его братьев, которые были настроены просоциалистически. Они, как представляется теперь, не предвидели, что, избежав надвигающегося фашизма, попадут в страну, где государственный террор вскоре также обретет масштабный характер. Какая тяжелая расплата ждала их в сталинской России! Но в те годы их переезд воспринимался по-другому. Блюма Вульфовна всегда называла его "возвращением", имея в виду, что в 1922-м они уезжали из того места, которое было по духу и образу жизни российским.

В 1931г. они переезжают в Москву, и Блюма Вульфовна начинает работать научным сотрудником Института высшей нервной деятельности, который в 1932г. был реорганизован в отдел Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ). В те годы она знакомится с Л.С.Выготским, который оказал на нее так же, как и К.Левин, огромное влияние. Их двоих она считала величайшими психологами своего времени, необыкновенно симпатизировала обоим и считала, что эти симпатии вза-

имны. Она мечтала познакомить их друг с другом. В 1933 году К.Левин останавливается в Москве на две недели после своей командировки в Японию. Его стали уговаривать не возвращаться в Германию. По словам Блюмы Вульфовой, Левин не понимал до конца значимости германских событий, но, предчувствуя беду, решил эмигрировать в США. Блюма Вульфова организует встречу Левина и Выготского. Через год после этого Л.С.Выготский ушел из жизни, а К.Левин был безвозвратно потерян для нее, оказавшись по другую сторону "железного занавеса". Она никогда не говорила впоследствии о той душевной пустоте, которая возникла в результате отрыва от своих бывших однокашников по Берлинскому университету, от своего учителя, да, по сути, и от всего мира за пределами "соцлагеря". Ранний уход Выготского она также воспринимала глубоко трагично, считая, что великий ученый преднамеренно отказывался от лечения, и вспоминала о нем с грустью. Портрет Льва Семеновича всегда стоял у нее за стеклом одной из книжных полок.

В ВИЭМе Блюма Вульфова почти полностью поглощена патопсихологией. Интерес к ней, по ее словам, возник еще в Берлине, когда вместе с Левиным она посещала клинику соматических заболеваний Гольдшейдера. Начиная с 30-х годов медицинская психология становится главной областью ее интересов. В 1935 году ей присваивается степень кандидата биологических наук. Немецкая степень доктора философии в СССР, естественно, не шла в счет. Скорее наоборот, этот "подозрительный" титул в те времена уместнее было скрывать. Он служил свидетельством того, что его обладатель потенциально является носителем чуждых буржуазных идей, с которыми повсеместно разворачивалась идеологическая борьба. Летом 1936 года выходит постановление ЦК ВКП(б) "О педологических извращениях в системе наркомпросов", за которым последовал удар по экспериментальной психологии и психологии в целом. Идеологической критике подверглись работы многих ученых, в том числе Л.С.Выготского. Атмосферу того времени прекрасно описывает Б.С.Братусь в своей книге *"Русская, советская, российская психология"* (2000). Трудно сейчас восстановить, что происходило с Блумой Вульфовой в те годы, но в период с 1936 по 1939г. ею не опубликовано ни одной научной работы. Лишь в 1940 году она публикует исследования о посттравматическом слабоумии.

В 1938г. психиатрическую клинику ВИЭМа реорганизуют, и она становится частью института психиатрии Минздрава РСФСР, где Блюма Вульфова начинает работать в должности психолога-невролога. В 1940 году происходят два важных события в жизни Блюмы Вульфовой. По пакту Молотова-Риббентропа в Литву вступает Красная Армия. Отвлекаясь от объективной оценки этого явления, надо признать, что это событие дало ей возможность поехать в Литву и навестить мать. Это было их первое и последнее свидание после двадцатых годов. Отец к тому времени уже умер.

Летом того же года мужа Блюмы Вульфовны арестовывают по обвинению в шпионаже. Десять лет без права переписки. Она остается с двумя детьми, одному из которых меньше года, другому – шесть лет. Потеря мужа явилась началом нового этапа в ее жизни. Начались частые походы на Лубянку, чтобы выяснить хоть что-нибудь о его судьбе. Она стала испытывать материальные трудности. Здесь надо отметить, что при таком повороте событий Блюма Вульфовна была готова к тому, что многие из боязни отвернутся от нее. Оказалось, что далеко не все. Она получала моральную поддержку от многих, и не только от тех, кто оказался в похожем положении. Здесь хочется отметить Александра Романовича Лурия, который и много лет спустя всячески поддерживал и помогал Блюме Вульфовне, и ближайшего ее друга Сусанну Яковлевну Рубинштейн, чья поддержка, пусть это не звучит высокопарно, видится сегодня как подвиг. Этот мужественный человек не только не боялся сопровождать Блюму Вульфовну на Лубянку, но и вызывался ходить туда вместо нее. Мало кто был готов на такой шаг.

События этих лет отложили глубокий отпечаток на всю последующую жизнь Блюмы Вульфовны. Основным в ее жизни стал страх, прежде всего за судьбу своих детей, внутренняя цензура. При необыкновенной душевной открытости, которая была так свойственна ее характеру, появилась закрытость информационная. Внутри семьи она избегала тем, которые, так или иначе, касались родственников, живших за границей, или берлинского и до-берлинского периодов ее жизни. Все, что связывало ее с западной наукой, фактически было табуировано. Марксистское мировоззрение в семье считалось "официальным", а о том, что она *действительно* думает и чувствует, можно было только догадываться. Я учился в средней школе в конце семидесятых – начале восьмидесятых, и даже тогда разговоры Блюмы Вульфовны и Сусанны Яковлевны выглядели как разговоры во время конспиративной явки (разумеется, не по инициативе последней). На втором курсе института, читая запрещенного тогда А.Авторханова, я чувствовал себя самым большим диссидентом в семье.

Многие ученые оставляют после себя автобиографии, архивы, записные книжки, воспоминания. Блюма Вульфовна не оставила почти ничего, все было уничтожено ею. Дело осложняется еще и тем, что немногочисленные ее записи, которые сохранились, изобилуют неточностями. Часть этих неточностей – результат "конспиративной программы", от которой она предпочитала не отступать, но есть и другая причина. Она не считала действительно важными многие детали своей жизни, не придавала им значения. Ей были, скорее, важны феномены и паттерны, чем детали. Здесь уместно привести несколько забавных примеров.

Если открыть любую из энциклопедий, где есть биография Б.В.Зейгарник, то можно прочесть, что она родилась в 1900г. То же напи-

сано и в ее кратких автобиографиях, которые обычно требуются при приеме на работу. На самом же деле родилась она в 1901г. "Разве это важно? – говорила она, – "годом больше – годом меньше...". Другой пример. Во время ее учебы в Берлинском университете туда приезжали многие ученые с лекциями. Это считалось престижным. Она любила рассказывать, как две лекции прочитал Альберт Эйнштейн. Физику, по ее признаниям, она не понимала и не знала, но ее интересовала не физика, а личность, его "детские глаза", способ говорить. Правда, в одном из интервью какой-то финской газете она почему-то сказала, что приезжал не Эйнштейн, а Эйзенштейн с лекциями по теории искусства, и опять-таки ее интересовала не столько суть лекции, сколько личность лектора. Может, это просто оговорка, а может, они оба гастролировали с лекциями. Она считала, что это в принципе не важно. Ведь важно не *что*, а *как*, раз она не понимала, о чем шла речь!

Наконец, есть еще одна причина того, что семейный архив весьма скуден. Эта причина не приходила мне в голову, пока я не обнаружил документ, называемый просто: *протокол*. Сей документ гласит, что "на основании ордера Народного Комиссариата Внутренних Дел СССР за № 536 от 7 августа 1940г. произведен обыск/арест у гр. Зейгарника А.Я.... При обыске присутствовали дворник Дымов и жена подозреваемого... *Изъято*: 1. Записки разные с [неразборчиво] и номерами телефонов – 11 шт. 2. Записная книжка – 1 шт. 3. Фотокарточек (групповые снимки) – 6 шт. 4. Общие тетради с техническими записями на немецком языке 1926г. – 2 шт. 5. Техническая записка по электротехнике 1925г. в двух папках, одна из них на немецком языке – 79 листов..." Но ведь и осталось! Протокол сообщает нам, что была опечатана комната с многочисленными документами, папками, тетрадями, записками.

В 1941 году Блюму Вульфовну направляют в филиал клиники нервных болезней ВИЭМ в г. Кисегаче Челябинской области, где она начинает работать в должности старшего научного сотрудника. Вместе с другими медиками и психологами она трудится над восстановлением психической и соматической деятельности пациентов, получивших ранение в голову. По воспоминаниям старшего сына Блюмы Вульфовны, Юрия Альбертовича, который был в те годы школьником, раненые производили настолько тяжелое впечатление, что даже небольшие успехи в их реабилитации были для всех большой радостью.

Уже после войны Блюма Вульфовна подготовила диссертационную работу на основе исследований, начатых в военный период. Когда диссертация была близка к завершению, работа исчезла. Попросту говоря, один из сотрудников института психиатрии, бывавший у нее дома, украл ее. Впоследствии Блюма Вульфовна уничтожила все черновики. Она боялась, что это окажется где-то опубликованным, и ее обвинят в плагиате. Сегодня

такой поворот событий кажется маловероятным, неправдоподобным, но страх иногда сильнее здравого смысла.

Другую часть исследований не представлялось возможным опубликовать. В частности, среди многочисленных приемов, которые использовались для восстановления двигательной активности пациентов-фронтовиков, применялся следующий. Подставное лицо переодевали в военную форму и больному объявляли, что это – комиссар. Далее комиссар отдавал приказы, выполнение которых могло привести к восстановлению (возможно, частичному) утраченных двигательных функций. Не сохранилось ни документальных данных, ни сведений об эффективности и воспроизводимости результатов таких экспериментов. Ясно одно: в те годы за такие эксперименты недолго было отправиться в места, не столь отдаленные, а в наши – вряд ли уж представится возможность их повторить.

В 1943 году Блюма Вульфовна вернулась в Москву, где ее ждала разграбленная квартира. На время эвакуации туда незаконно поселили постороннего человека, который почему-то считал все вещи своими. Домашняя библиотека и большая часть мебели использовались им в качестве дров для печки. Часть семейного архива исчезла, возможно, и в этот период. Кроме трудов не известных ему ученых, временный жилец в борьбе за тепло домашнего очага отправил в топку все имевшиеся в доме труды Маркса и Энгельса. (Мне представляется, что в этом необузданном материализме есть что-то мистическое.) "Бухаринское" собрание сочинений Ленина, правда, осталось. Блюме Вульфовне вновь пришлось пройти через многочисленные унижения, но после вмешательства военного прокурора квартира была возвращена. Пришлось налаживать свой быт заново.

Начиная с 1943 года Блюма Вульфовна вновь работает в ЦНИИ психиатрии в должности заведующей патопсихологической лабораторией, а с 1949 года начинает читать курс патопсихологии в МГУ. Между 1943 и 1948гг. – опять провал: никаких данных, мало публикаций (они в основном посвящены исследованиям последствий травм головного мозга), ни одного сохранившегося документа, письма. В конце сороковых научное творчество любого психолога вновь было поставлено под удар: печально известные сессия ВАСХНИЛ и Павловская сессия создали тяжелую атмосферу для работы. А в начале пятидесятых Блюму Вульфовну ждали еще и испытания иного рода. В стране разворачивается государственная антисемитская кампания: дело врачей, дело Еврейского антифашистского комитета, и прочее. Сначала в 1950г. Блюма Вульфовна перестала руководить лабораторией, а затем (в 1953г.) и вовсе оказалась без работы.

Этому событию предшествовала очередная аттестация Блюмы Вульфовны в должности старшего научного сотрудника, проходившая в 1951 году. Выяснилось, что она не может быть аттестована, так как отсутствовали стандартные документы о высшем образовании. Потребовалось раз-

яснение юридического отдела Министерства высшего образования, в ожидании которого аттестация была отложена.

Директором НИИ психиатрии в момент увольнения Блюмы Вульфовны с работы был профессор Д.Е.Мелехов, который высоко ценил и уважал ее. О нем можно было бы сказать много добрых слов, но история увольнения Блюмы Вульфовны – более красноречивое свидетельство его человеческих достоинств. Мелехов был поставлен перед необходимостью ее уволить, но он всячески оттягивал этот момент и, наконец, придумал следующую уловку. Он отправил ее на больничный на целый год. И в те времена, да и сейчас, нельзя было уволить человека, находившегося в отпуске по болезни, но и бюллетенить целый год тоже было невозможно. Поэтому она возвращалась с больничного на пару дней и отправлялась "болеть" вновь. В течение очередных "двух дней" он, якобы, не успевал уволить ее, хотя готовый к подписанию приказ лежал на его столе все это время. Наконец, тянуть больше было нельзя. В разговоре с Блюмой Вульфовой он сказал: "Простите меня, я вынужден вас уволить, но пообещайте, что завтра же вы подадите на меня в суд". После этого она продолжала приходить на работу, но средств к существованию у нее не было. В это время А.Р.Лурия и С.Я.Рубинштейн вновь пришли ей на помощь. Они помогали ей деньгами, а Александр Романович всячески хлопотал, чтобы дать ей возможность заработать хотя бы немного. Впоследствии в аналогичной ситуации оказалась и сама Сусанна Яковлевна, и тогда уже Блюма Вульфовна помогала ей. Антисемитская кампания пошла на спад после смерти Сталина, но только в 1957г. Блюма Вульфовна была восстановлена в должности заведующей патопсихологической лабораторией и проработала в ЦНИИ психиатрии до 1967 года. С 1953 года она постоянно работает в МГУ.

К 1958г. Блюма Вульфовна подготовила свою третью (после Берлинской и украденной) докторскую диссертацию, и ей была присвоена степень доктора педагогических наук. В 1965г. ей присваивают звание профессора по специальности "психология". В 1967г. ее избирают на должность профессора кафедры психофизиологии и нейропсихологии МГУ. Жизнь постепенно стабилизируется. Выходят ее монографии "*Нарушения мышления у психически больных*" (1958), "*Патология мышления*" (1962), "*Введение в патопсихологию*" (1969), "*Личность и патология деятельности*" (1971), "*Основы патопсихологии*" (1973). Многие из них переводят на иностранные языки. В 1969г. впервые после долгих лет она получает возможность выехать за границу на Международный психологический конгресс в Лондон. Блюма Вульфовна принимает участие в подготовке работы секции патопсихологии. Многие тогда на западе с удивлением обнаружили, что Б.В.Зейгарник – женщина, все еще работающий советский психолог, что круг ее интересов выходит далеко за рамки исследования прерванных действий. В 1978г. Блюме Вульфовне была присуждена Ломоносовская премия

1-й степени за цикл работ, посвященных проблеме нарушений психики при различных психических заболеваниях, коррекции и реабилитации психически больных.

В 1980 году Блюма Вульфовна участвует в Международном конгрессе по психологии в Лейпциге. Это – вторая из двух конференций за рубежом, в которых она приняла участие. После этого конгресса интерес к ней и ее работам начал расти. На конгрессе с ней познакомился профессор Дж.Л.Тапп, который тогда являлся председателем комитета по присуждению премий Курта Левина. Тогда же в этот комитет входили Тамара Дембо, Эллен Гринбергер и Гарри Триандис. В 1983г., по инициативе Таппа, Блюме Вульфовне присудили эту весьма почетную премию. Тапп писал, обращаясь в основном к американским коллегам: "Я думаю, наш выбор должен послужить примером общественной и научной ответственности психологов за то, чтобы научные исследования были признаны и оценены независимо от национальных границ. Только таким образом научное сообщество может сопротивляться идеологическому давлению как левых, так и правых, и продолжать осуществлять свою главную деятельность, состоящую в накоплении знаний и их распространению на благо всего человечества". Видимо, тогда далеко не все на западе были с радостью готовы "узнать и оценить" заслуги советского ученого. А что было по эту сторону границ? Было бы наивно думать, что любой человек в нашей стране в 1983 году мог свободно получить любую американскую премию. Для этого требовалось благословение партийных инстанций. Партком в таких случаях с кем-нибудь советовался. В частности, письмо Блюмы Вульфовны было направлено психологу-эксперту, чье трудовое прошлое в органах не было запятнано педологическими и другими извращениями. Эксперт сообщил, что Курт Левин являлся сомнительной личностью и пособничал враждебным СССР элементам*. Посему его рекомендация однозначно содержала предложение, чтобы Б.В.Зейгарник отказалась от премии. К счастью, партком проигнорировал эти рекомендации, но выезд за получением премии настоятельно не рекомендовал, что было равносильно запрету.

В 80-х годах Блюма Вульфовна продолжает работать на кафедре пато- и нейропсихологии факультета психологии МГУ, у нее много аспирантов, она читает несколько курсов лекций по патопсихологии, патологии мышления, зарубежным теориям личности. Выходят в свет ее монографии "Теория личности К.Левина" (1981), "Теории личности в зарубежной психологии" (1982), "Патопсихология" (1986). Но время берет свое. Она уже давно и серьезно болеет. Для восстановления сил требуются переливания

* Для этого были формальные основания. По данным С.Степанова, во время второй мировой войны Левин работал в Центре стратегических исследований (преобразованном впоследствии в ЦРУ), где занимался проблемами пропаганды, военной морали, лидерства в воинских подразделениях, а также вопросами психологической реабилитации раненых солдат.

крови, которые происходят все чаще и чаще, отказываются видеть глаза. 24 февраля 1988 года ее не стало. Перед самой кончиной, в те минуты, когда ей удавалось отвлечь свое внимание от изнуряющей боли, она неожиданно вспоминала факультет психологии, задавала вопросы. До самого последнего момента она думала о любимом деле, оставалась преданной ему.

Так прошла жизнь этого человека, полная испытаний на прочность, потерь и горести, а в то же время и радости за сделанное дело, радости встреч с замечательными людьми и радости знания настоящей, великой дружбы. Она тепло отзывалась о многих своих друзьях и коллегах, чьи имена широко известны в сообществе психологов и психиатров, но перечислить их здесь без риска кого-либо нечаянно забыть просто не представляется возможным.

В этой статье я умышленно почти не касался содержания профессиональной деятельности Блюмы Вульфовны, потому что это не в моей компетенции. За меня о данной стороне ее биографии лучше скажет список принадлежащих ей трудов, который вскоре будет опубликован. А вот еще несколько слов о том, какой она была, пожалуй, дополнят картину.

Она была крохотной, хрупкой женщиной, едва достававшей до плеча среднего роста человека. Лекции она никогда не читала за кафедрой. Ее просто-напросто было бы не видно. Но ей самой казалось, что она выше, чем есть на самом деле. Каждый раз, когда надо было покупать плащ или юбку, она неизменно выбирала вещь не по росту. Потом их приходилось перешивать или менять.

Она любила, когда к ней в дом приходили люди, много людей. В ее квартире в Большом Тишинском переулке побывали все ее аспиранты. Она интересовалась их проблемами, принимая во всех живое участие. С ней зачастую делились самым сокровенным. Я помню, как она возмущалась, что чья-то диссертация слишком прокурена. "Надо сказать ей, что столько курить нельзя! Мыслимое ли дело, чтоб от рукописи так пахло табаком?" Но главными "объектами" были мы, ее внуки. Наверное, весь факультет психологии знал, какие я выкидывал фортели. Психологическая наука в лице бабушки была задействована в моем воспитании в полном объеме.

Она была человеком, лояльность которого могла бы служить примером для многих. Помню, как обескураживающе она однажды высказалась о поп-музыке. Мой отец и я спорили о качестве какой-то композиции. Я настаивал на том, что она хороша, а отец утверждал обратное. "Ты совершенно не прав, Володя, – возразила она отцу, – это замечательная музыка, потому что под нее удобно делать зарядку против остеохондроза, которую мне недавно порекомендовали". Лояльность проявлялась и в оценках людей. Но, с другой стороны, у нее была почти мистическая способность определять людей по лицу, походке, по другим внешним признакам. Ей практически было достаточно одного пристального взгляда, чтобы опре-

делить, что человек способен на подлость. Ему не надо было даже открывать рот и что-то говорить. Это было уже лишнее. Возможно, эта способность явилась наследием давно ушедших трудных времен, а может, это просто был великий опыт клинициста, человека-наблюдателя.

Она была очень внимательна к тем, кто нуждался в ее профессиональной консультации. Не секрет, что часто больные пытаются глубоко вникнуть в причину и характер своих недугов, и к ней часто приходили домой те, кто нуждался в помощи и искал понимания. Во всех больных она, прежде всего, видела личность, пыталась предложить им адаптивные механизмы. Например, одному изобретателю вечного двигателя она посоветовала пересмотреть свое изобретение в другом ключе. "Предложите Ученому Совету, – говорила она, – не все изобретение в целом, а его отдельные части. Наверняка они обнаружат много рационального и полезного".

О том, каким она была преподавателем, лучше расскажут ее бывшие студенты, но почему-то запомнилось ее забавное и трогательное отношение к беременным студенткам. "Их я спрашиваю очень быстро и ставлю обычно хорошие оценки", – говорила она. Однажды она принимала экзамен вместе с одним молодым преподавателем, который, по ее мнению, "слишком тянул". Она подозвала его и спрашивает: "Вы что, умеете принимать роды? Отпустите же ее поскорее".

Ее отличала необыкновенная доброта, и я уверен, что те, кто помнят ее, сохранили об этом впечатление на всю свою жизнь.

Чтобы не быть анонимным, скажу два слова о себе. Блюма Вульфовна – моя бабушка, и называю ее по имени и отчеству только потому, что так ее называли почти все (даже в одной из ее книжек, переведенной на испанский язык, автором на форзаце указана "Bluma Wolfovna"). Я не психолог, хотя когда-то собирался им стать. Все изложенное в этой статье основано, главным образом, на тех документах, которые остались в семейном архиве, на моих личных воспоминаниях и, в меньшей степени, на воспоминаниях других людей. Самую большую помощь в этом исследовании оказали мне мой отец, Владимир Альбертович Зейгарник, и мой дядя, Юрий Альбертович. Хочу также поблагодарить Аллу Борисовну Холмогорову и Бориса Сергеевича Братуся, которые вдохновили меня на написание этой статьи. Я старался быть настолько точным, насколько это возможно, но от ошибок никто не застрахован. Думаю, что это не конец моего исследования, а, скорее, его начало, и буду рад, если кто-то готов поделиться со мной своими воспоминаниями или впечатлениями от прочитанного. Самый удобный способ – связаться со мной по электронной почте (azeigarn@iuc.ac.ru).